

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Падучева Е. В. (elena.paducheva@yandex.ru)

ВИНИТИ РАН, Москва, Россия

Доклад посвящен эгоцентрическим единицам языка — словам, грамматическим категориям и конструкциям, значение которых предполагает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего. Так, во фразе *Иван едва ли вернется* адвербиал *едва ли* предполагает говорящего в роли субъекта сомнения, являясь, тем самым, эгоцентрической единицей, иначе — эгоцентриком. В работе две части. Первая посвящена общим свойствам эгоцентриков: обосновывается их деление на первичные (жесткие) и вторичные (мягкие), которое объясняет различное поведение эгоцентриков в неканонических коммуникативных ситуациях — в нарративе и в гипотаксисе. Мягкие эгоцентрики свободно употребляются в неканонических режимах, меняя лишь ориентацию — подразумеваемым субъектом у них может быть не говорящий, а какое-то другое лицо. А жесткие эгоцентрики в неканонических режимах не употребляются или меняют значение. Особый раздел посвящен дискурсивному режиму интерпретации. Во второй части рассматривается пример — наречие *однажды*, которое ведет себя как жесткий эгоцентрик дискурсивного режима.

Ключевые слова: эгоцентрики, говорящий, неканонические коммуникативные ситуации, жесткие эгоцентрики, мягкие эгоцентрики

EGOCENTRICALS AND THEIR REGISTERS OF INTERPRETATION

Paducheva E. V. (elena.paducheva@yandex.ru)

VINITI RAS, Moscow, Russia

Linguistic entities (words, grammatical categories, syntactic constructions) are called EGOCENTRICALS, if their semantics presupposes the SPEAKER as one of the participants in the situation described, cf., for example, *sejčas*, as in *Он сейчас дома* ['he's now at home', the speaker is the holder of the moment of speech], *едва ли* 'unlikely', as in *Он едва ли придет* ['he's unlikely to come', the speaker is the subject of doubt], subjunctive mood, as in *Была*

¹ Данная работа была выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-04-00488а «Акциональные классы и актантные типы предикатных имен: семантика, грамматика, словарь».

by *sejčas vesna!* ['if it were spring now!'], the speaker is the subject of [volition]. Only CANONICAL communicative situations can afford a sterling, i. e. full value, speaker — with the synchronous addressee, with the field of vision common to the speaker and the addressee, etc. In NON-CANONICAL communicative situations, such as NARRATIVE or HYPOTAXIS, when the speaker is not accessible as a performer of his/her presupposed role, and some substitute of the speaker comes into play, different egocentrals behave differently. Two types of egocentrals are discerned — SHIFTABLE (i. e. secondary) egocentrals, which can be used in all types of communicative situations, and HARD (i. e. primary) egocentrals, which stick to the canonical communicative situation, thus belonging to the so called MAIN CLAUSE PHENOMENA. One egocentral is discussed in detail: the adverb *odnaždy* 'once upon a time'.

Key words: egocentrals, speaker, non-canonical communicative situations, hard egocentrals, shiftable egocentrals

1. Эгоцентрики и их свойства

1.1. Эгоцентрики: примеры

Эгоцентрическими являются языковые единицы (слова, граммемы, синтаксические конструкции), семантика которых предполагает, в канонической коммуникативной ситуации, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего. Так, в семантике вводного слова *едва ли* (*Иван едва ли придет*) говорящий выступает в роли субъекта сомнения, в семантике сослагательного наклонения — в роли субъекта желания (*Была бы сейчас весна!*), в семантике изъявительного наклонения — в роли гаранта эпистемического обязательства (*Иван вернулся*). Пример синтаксической конструкции с эгоцентрической семантикой — генитив отрицания в контексте локативного *быть*, который выражает наблюдаемое отсутствие, см. Падучева 2006. Эгоцентрическими являются, в частности, дейктические слова — такие, которые обозначают лицо, место или время через отсылку к говорящему (как *ты, здесь, сейчас, завтра*), и, разумеется, такие, которые просто обозначают говорящего, как *я, мы*.

Эгоцентрические языковые единицы называют сокращенно эгоцентрики. Термины *egocentral* и *egocentric particulars* принадлежат Б. Расселлу.

В неканонических коммуникативных ситуациях разные эгоцентрики ведут себя по-разному. Разным типам коммуникативных ситуаций (разным с точки зрения доступности говорящего как фигуры, на которую опирается интерпретация эгоцентрика) соответствуют разные режимы интерпретации эгоцентриков:

- диалогический режим (полноценный говорящий, у которого есть синхронный слушающий; у говорящего и слушающего общее поле зрения; говорящий имеет право на жесты, доступные восприятию слушающего; возможные отступления от каноничности — отсутствие у говорящего и слушающего общего места или времени);
- нарративный режим (нет полноценного говорящего; его замещает повествователь или персонаж); различается традиционный нарратив (в том

числе — нарратив от первого лица) и свободный косвенный дискурс (см. обзор в Падучева 1996: 206), в котором широко используется несобственная прямая речь.

- гипотаксический режим (говорящего замещает подлежащее матричного предложения).

Режим интерпретации — это то же, что контекст употребления. Приведем пример интерпретации эгоцентриков в нарративном режиме. Начало рассказа Чехова «Учитель словесности» (1889):

- (1) Послышался стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; вывели из конюшни сначала вороного Графа Нулина, потом белого Великана, потом сестру его Майку. Всё это были превосходные и дорогие лошади.

Читатель ощущает наличие в ситуации какого-то закадрового сознания, которое далеко не сразу воплощается в персонаже, а сначала проявляет себя как заместитель того говорящего, на которого в речевом режиме был бы ориентирован смысл таких эгоцентрических слов, как *послышался* или *превосходный*.

1.2. Параметры, характеризующие эгоцентрическую единицу

Как уже говорилось, эгоцентриками могут быть слова, граммемы и синтаксические конструкции.

Изначально семантической сферой эгоцентрического считался только дейксис. В классической работе Якобсона — Jakobson 1957 дейксис был объединен с модальностью. Третья и четвертая сфера эгоцентрического — оценка и эвиденциальность. Наконец, есть и пятая сфера — коммуникативная структура (тема-рематическое членение), которая имеет дело с оппозицией известное/неизвестное, т. е. апеллирует к говорящему и слушающему.

Говорящий может занимать в толковании эгоцентрика разные позиции. В Падучева 1992 различаются следующие семантические роли говорящего:

- говорящий как субъект речи (как в слове *кстати* = ‘кстати сказать’ или в семантике императива),
- говорящий как субъект дейксиса, т. е. точка для отсчета места и времени (как в словах *вчера*, *здесь*),
- говорящий как субъект восприятия (как в слове *послышаться*),
- говорящий как субъект сознания — в частности, оценки (как в *едва ли*, *превосходный*).

В связи с режимами интерпретации существенно деление эгоцентриков на первичные и вторичные.

вторичные (иначе — несобственные) эгоцентрики допускают употребление не только в диалогическом режиме, но и в гипотаксисе и в нарративе, свободно заменяя ориентацию на говорящего ориентацией на субъект подчиняющегося предложения (в гипотаксисе) или просто салиентный (в нарративе). Например, в предложении *Маша сказала, что едва ли успеет к семи субъект*

сомнения не говорящий, а Маша. Про вторичные эгоцентрики можно сказать, что они свободно подвергаются проекции, не меняя значения. Различаются гипотаксическая и нарративная проекция.

первичные эгоцентрики — это такие, которые употребляются только в диалогическом режиме и ориентируются только на говорящего. В нарративе и гипотаксисе они не употребляются или меняют значение. Пример — прош. время несов. вида: в нарративе (традиционном) оно не только ориентируется на повествователя, а не на говорящего, но и обозначает синхронность наст. моменту повествователя, а не предшествование — т.е. меняет значение. Первичные эгоцентрики могут допускать ориентацию на персонажа в нарративе, но не в традиционном, а в свободном косвенном дискурсе.

Английские терминологические соответствия: вторичные эгоцентрики — *shiftable indexicals*, первичные эгоцентрики — *pure indexicals*; ср. также *main clause phenomena*.

И еще один параметр — внутрифразовая vs. дискурсивная интерпретация (Плунгян 2008). Одни эгоцентрики имеют обе интерпретации, например, вид, см. Падучева 2008). Другие образуют пары. Ср., например, *вчера* и *накануне*: слово *вчера* имеет дейктическое значение и не предполагает специального текстового контекста; а *накануне* — это анафор, который отсылает к предтексту, т.е. является эгоцентриком с исключительно дискурсивной интерпретацией. Есть, кроме того, эгоцентрики с интродуктивной, т.е. катафорической функцией (об интродуктивных употреблениях см. Арутюнова 1976: 221). Это тоже эгоцентрики с дискурсивной семантикой, только они отсылают к последующему тексту. Таково, в частности, *однажды*, см. раздел 3.

Принципиальный вклад в проблематику эгоцентрии внесла статья Апресян 1986. Был предложен синтаксический тест, который

- позволяет обнаружить присутствие подразумеваемого говорящего в семантике языковой единицы;
- позволяет различить первичную и вторичную эгоцентричность.

Так, в семантике слова *показался* имеется встроенный говорящий, т.е. это слово эгоцентрическое; и это порождает аномалию в предложении (1а), где говорящий является субъектом восприятия самого себя. При этом слово *показался* вторичный эгоцентрик — оно свободно поддается проекции, например, гипотаксической, см. (1б), где аномалия пропадает, поскольку субъектом восприятия оказывается не говорящий, а субъект подчиняющего предложения.

- (1) а. *На дороге *показался* я (ср. На дороге *показался* всадник);
 б. Иван говорит, что именно в этот момент на дороге *показался* я.

Подразумеваемый субъект вторичного эгоцентрического слова был назван наблюдателем. Возникло противопоставление говорящего и наблюдателя.

В статье Булыгина 1982: 15 про глаголы типа *белеть*, *чернеть* говорится, что они «могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, «актуальную» ситуацию, в которой находится (или в которую

помещает себя) говорящий»; в них усматривается «эффект соприсутствия» говорящего. Между тем, в Апресян 1986 эти глаголы — один из примеров, демонстрирующих встроенного наблюдателя. Компонент восприятия отмечен у них в словаре Ушакова. Пример (2) подтверждает наличие подразумеваемого наблюдателя, поскольку наречие *отчетливо* осмысленно только в применении к перцептивному компоненту в семантике глагола:

- (2) Было около восьми часов вечера. За домами башня собора *отчетливо чернела* на червонной полосе зари. (Набоков. Возвращение Чорба)

Слова, предполагающие наблюдателя по Ю. Д. Апресяну (Апресян 1986), — это вторичные эгоцентрики с имплицитным говорящим в роли субъекта дейк-сиса (*вдалеке*) или восприятия (*показался*).

Была попытка называть наблюдателем то лицо, на которое ориентирован любой эгоцентрик, если он вторичный, — независимо от роли этого лица как участника ситуации, описываемой эгоцентрическим словом. Однако такое употребление не привилось. Так, в Апресян 2002 говорится, что в толкование глаголов интерпретации (типа *ошибаться*, *выпендриваться*) входит говорящий, а не наблюдатель, — хотя они являются вторичными эгоцентриками, т. е. поддаются гипотаксической проекции (ср. **Я ошибаюсь*, **Я выпендриваюсь* и нормальное *Он считает, что я ошибаюсь*, *выпендриваюсь*), а роль субъекта сознания очень близка к роли субъекта восприятия.

В Левонтина 2004 для слов *неожиданно*, *вдруг* предлагается толкование: ‘имеет место R; говорящий или наблюдатель не ожидал, что будет R или что R произойдет именно в данный момент’. Эту дизъюнкцию следует, видимо, понимать так, что эти слова предполагают говорящего либо в роли субъекта восприятия, и тогда это ‘наблюдатель не ожидал’, либо в роли субъекта сознания, и тогда ‘говорящий не ожидал’.

Говорящий может принимать участие в такой ситуации, само существование которой осознается по его в ней участию, а языком выражено неявно. Так, в примере (3) слова *кончился* <лес> и *начались* <болота> предполагают идущего (или едущего). Говорящий является не только наблюдателем, но и прямым участником ситуации; обычно это перемещение (см. о движущемся наблюдателе в Апресян 1974: 161):

- (3) За озером хвойный лес кончился и начались болота.

Ориентация эгоцентрика зависит не только от режима интерпретации, но и от модальности. Так, известно, что вопрос во многом переносит ориентацию эгоцентриков с говорящего на слушающего. Это вопросительная проекция (Падушева 1996: 268):

- (4) Ну что, он так и не показался? [= ‘в твоём поле зрения’];

- (5) Вкусно? [= ‘тебе’].

1.3. Краткая история вопроса

В самую краткую историю эгоцентрии должны войти: статья Jakobson 1957 (которая начинается со ссылки на книгу Волошинов 1930 о несобственной прямой речи); книга Успенский 1970 о точке зрения; статья Апресян 1986 (со ссылкой на Fillmore 1982).

За узловым для этой проблематики понятием «режим интерпретации» стоит Э. Бенвенист (1974), который ввел различие между «планом речи» (*plan de discours*) и «планом повествования» (*plan de récit*). То, что Бенвенист называет «планом» <высказывания>, и есть тип коммуникативной ситуации, или режим интерпретации.

Термин каноническая коммуникативная ситуация — из Lyons 1977. Там же приводятся примеры неканонических ситуаций. Важным вкладом в проблематику является книга Ковтунова 1986, где есть специальный раздел, посвященный (неканонической) коммуникативной ситуации лирического стихотворения.

В. Успенский 2011, где рассматриваются только дейктические эгоцентрики, не используется понятие режим интерпретации, т. е. контекст употребления: различается «первичный дейксис, или дейксис в собственном смысле, и вторичный дейксис, при котором соотнесение с речевым актом осуществляется непрямым (опосредованным) образом». Очевидно, первичный дейксис — это то же, что употребление дейктических эгоцентриков в диалогическом режиме, а вторичный — в нарративном. Однако, скажем, на сферу модальности это словоупотребление распространить нельзя.

Ю. Д. Апресян первоначально тоже употреблял термины первичный vs. вторичный дейксис в значении диалогический vs. нарративный способ интерпретации: «Различаются первичный и вторичный дейксис. Первичный дейксис — это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. <...> Вторичный дейксис, называемый также нарративным, <...> не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования.», Апресян 1986. Однако в Апресян 2004/2009: 516 противопоставляется, на примере возможности двоякого употребления слова *сейчас*, уже не первичный и вторичный дейксис, а диалогический и нарративный режим интерпретации.

Чтобы избежать этой опасной неоднозначности терминологии, я иногда заменяю эпитет «первичный» на эпитет жесткий эгоцентрик (т. е. ориентированный только на говорящего, *hard egocentric*), и эпитет «вторичный» на эпитет мягкий эгоцентрик (т. е. допускающий разные виды проекции, *shiftable egocentric*), ср. термин *жесткие деизматоры* в модальной логике. Существенно, что вторичные эгоцентрики могут употребляться, не меняя значения по существу, как в диалогическом («первичном» по Б. А. Успенскому), так и в нарративном или гипотаксическом («вторичных») контекстах.

Далее в докладе рассматривается роль режима интерпретации в семантике эгоцентрических единиц на примере местоименного наречия *однажды*.

2. Наречие *однажды* как показатель слабой определенности

Слово *однажды* не было до последнего времени предметом специального исследования. Принципиально важный шаг на пути постижения его семантики, синтактики и референции сделан в статье Иорданская, Мельчук 2013 (далее — И&М 2013), где обращено внимание на то, что *однажды* связано — не только по форме, но и семантически, — со словом *один* в значении слабой определенности. (См. об *один* в этом не счетном значении в Падучева 1985: 212–214; там же и о других показателях слабой определенности — *кое-какой* и *некоторый*.) Однако кое-что еще предстоит уточнить.

Слабая определенность — это жемчужина русской картины мира: в русском языке неопределенность разработана как нигде, см. Падучева 1996а. В английском языке с трудом различается *specific indefiniteness* и *non-specific indefiniteness*, причем только на семантической основе. Между тем в русском это формально выраженная оппозиция — есть серия местоимений неизвестности (или нерелевантной идентификации), на *-то*, и серия *нереферентных* местоимений, на *-нибудь*. А кроме того, есть третья серия, на *кое-*, слабоопределенные местоимения; к местоимениям на *кое-* примыкают другие показатели слабой определенности — слова *некоторые* и *один*. Слабая определенность — это полу-определенность, т. е. определенность для говорящего и неопределенность для слушающего. Наблюдение, сделанное в И&М 2013, превращает *однажды* из изолята в слово, для которого заготовлено место в системе референциальных противопоставлений.

Как и *один*, *однажды* употребляется не только как референциальный показатель, но и в значении счета ‘<имело место> один раз’ (*Я видел его лишь однажды*); это значение здесь остается вне рассмотрения.

2.1. ОДНАЖДЫ: попытки истолкования

В И&М 2013 фразы (1а) и (1б) обе признаются недопустимыми. Можно думать, фраза (1б) признана недопустимой справедливо, а фраза (1а) — нет:

- (1) а. После этого Изабелла Купер² поселилась в одном из городов Среднего Запада, а затем перебралась в Лос-Анджелес, где *однажды* покончила жизнь самоубийством;
б. **Однажды* Изабелла Купер покончила жизнь самоубийством.

Многое прояснится, если рассмотреть употребление *однажды* в контексте соответствующей ему коммуникативной ситуации.

Слово *один* — это первичный, т. е. жесткий, эгоцентрик: оно предполагает каноническую коммуникативную ситуацию, поскольку его смысл требует

² Речь идет о возлюбленной генерала МакАртура.

обращения не только к говорящему, но и к адресату. Так, в смысл сочетания *один человек* входят компоненты (i) ‘я знаю этого человека’ и (ii) ‘я исхожу из того, что ты его не знаешь’. Если предположение (ii) не оправдывается, говорящий терпит коммуникативную неудачу; так, в примере (2) (ср. Падучева 1985: 155) говорящий не ожидал, что слушатель тоже знает этого человека и имеет представление о том, что с ним было:

- (2) — И тут *один человек* выбежал из толпы ...
— Он не выбежал, его выпихнули.

Как все эгоцентрики, смысл которых отсылает не только к говорящему, но и к адресату, *один* неподчинимо. В частности, нецитируемо: если Зина сказала мне (3а), я понимаю, что Зина знает об этой женщине больше, чем мне говорит. Фразой (3б) я не совсем точно передаю слова Зины, поскольку в гипотаксическом контексте *один* не сохраняет своего значения слабой определенности (‘я знаю, а тебе не говорю’):

- (3) а. Вася женился на *одной* китаянке,
б. Зина сказала мне, что Вася женился на *одной* китаянке.

Впрочем, в примере (4а) говорящий остается субъектом слабой определенности: он дает понять, что знаком с юношей; а в примере (4б) обнаруживается нечто подобное гипотаксической проекции — субъектом слабой определенности является денотат подлежащего в матричном предложении:

- (4) а. Сверх того, дошло до моего сведения, что *один проезжий москвич, добрейший, впрочем, юноша*, мимоходом отозвался обо мне на вечере у губернатора как о человеке выдохшемся и пустом. [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)]

- б. Но он недоверчиво посмотрел на меня и сказал, что *один немец-книголюб, который у него бывает запросто, обещал ему свое покровительство и просил его ни о чем не беспокоиться*. [Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)]

Так что употребления *один*, в которых слабая определенность утрачивается и переходит в неопределенность, как в (3б), характеризуют, скорее, небрежную речь.

Что же касается *однажды*, то оно, как мы увидим, довольно свободно употребляется в выветренном значении: есть несколько контекстов, где слабая определенность переходит в обычную неопределенность, т. е. в несущественность временной локализации события для говорящего, или даже в нереперентность временного показателя.

В отличие от *один*, слово *однажды* в своем первичном употреблении, дискурсивное: предложение с *однажды* требует продолжающего текста — так же,

как местоимение требует antecedента. Интродуктивность — это то, в чем проявляется слабая определенность при интерпретации дискурсивного эгоцентрика в нарративном режиме. Однако *однажды* допускает и не интродуктивное употребление (как и *один*, см. пример (3а)). Интродуктивность *однажды* зависит от его места в коммуникативной структуре: тематическое *однажды* интродуктивно по преимуществу, а в других позициях это может быть не так.

В И&М 2013 дается следующее толкование *однажды*: *однажды* (Q) означает, что время ситуации Q и сама Q «неидентифицируема для Адресата». Далее неидентифицируемость ситуации Q сводится к трем свойствам ее референта:

- 1) необязательность (= факультативность; например, самоубийство — в отличие от смерти),
- 2) повторимость (например, инфаркт — в отличие от самоубийства),
- 3) ординарность (например, посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта).

Утверждается, что если ситуация Q не обладает хотя бы одним из этих свойств, употребить *однажды* в соответствующей фразе нельзя. Это попытка выразить прагматический аспект семантики слабой определенности, «неизвестность Адресату», через «объективные» семантические свойства ситуации.

Рассмотрим каждое из этих свойств. Начнем со свойства 2) повторимость. Утверждается, что ситуация, вводимая словом *однажды*, должна быть повторимой, так что неповторимость — это источник неадекватности предложения (1б). Например, предложение *Однажды Изабелла Купер заболела* нормально, поскольку Изабелла Купер могла болеть много раз.

Однако ситуация во фразе с *однажды* в примере (5) тоже неповторима, а между тем, фраза нормальна — она естественно вписывается в свой контекст³:

- (5) *Однажды* Никита Михалков дней так за двадцать снял тихий фильм «Пять вечеров». Станислав Любшин, Людмила Гурченко, оттенки серого, неброскость одежд, мягкость интонаций. <...> Первый канал на этой неделе лихо разделался с ароматом того старого, «нерейтингового» произведения. [Комсомольская правда, 2004.09.15]

Здесь обнаруживается отличие *однажды* от *один*: *один* возможно только в контексте общего имени объекта (например: <один> мой одноклассник, <один> американский президент, <одна> китайка), а *однажды* возможно не только в контексте общего имени ситуации, но и в контексте неповторимой ситуации (которая задана определенной дескрипцией).

³ А именно, заключительная фраза этой главы, *В самом деле, уж рассветало: молодые люди допили свои рюмки и разъехались*, служит основой для гениального наблюдения: «В конце первой главы происходит открытое сошествие автора в изображаемый им мир» (Виноградов 1936: 107). Действительно, *в самом деле* — это диалогическая реакция. Сейчас мы бы сказали, что тут повествователь вступает в диалог с героем.

Конечно, *однажды* чаще употребляется в контексте повторимой ситуации, однако пример (5) показывает, что неповторимость ситуации не исключена. Так что сама по себе она не может быть источником неадекватности предложения (16).

Беда предложения (16) в другом: слово *однажды* занимает в нем тематическую позицию, и потому имеет интродуктивное употребление. Фраза с *однажды* должна вводить в рассмотрение ситуацию — ее время, место и участников. А тут фраза гласит, что главный участник перестал существовать. Сцена остается пустой: слово-катафор не может реализовать своей обязательной валентности.

Еще один пример, который приводится в И&М 2013 в подтверждение неповторимости события как препятствия для *однажды*.

(6) Однажды он погиб в горах, сорвавшись со скалы.

По замечанию Б. А. Успенского, *однажды* в контексте предикатов *погиб* или *умер* все-таки возможно, если дальше следует рассказ о посмертной судьбе героя, т. е. о его жизни в потустороннем мире. Однако есть и другие возможности совместить *однажды* с глаголом *умереть* — развитие текста может идти по линии связи не с героем, а, например, с введенным ранее местом действия. Так, (7) — вполне адекватный текст:

(7) Изабелла Купер увлекалась архитектурой. Переехав в Лос-Анжелес, она построила себе дом необыкновенной красоты. Однажды Изабелла Купер умерла. Ее дом в Лос-Анжелесе стал музеем.

Надо сказать, что *однажды* в примере (5) так уместно потому, что момент создания фильма, введенный в рассмотрение повествователем с помощью *однажды*, взаимодействует с возникающим далее другим моментом, *на этой неделе*, так что *однажды* в конце концов заполняет свою катафорическую валентность.

Свойство 3) ординарность из И&М 2013 (посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта) вообще нельзя признать релевантным. Так, текст (8) ничуть не аномален, хотя инфаркт — событие вполне неординарное:

(8) Однажды у него случился инфаркт. Вызвали скорую помощь.

Свойство 1) необязательность (которым обладает самоубийство — в отличие от смерти), демонстрируется, в частности, на примере (9). Утверждается, что *однажды* не сочетается с обозначением обязательной (иначе — неизбежной, предвидимой) ситуации:

(9) *Однажды наступила зима.

Казалось бы, для фразы *Однажды наступила зима* трудно найти уместный контекст. Однако Яндекс дает 115 примеров на это сочетание, например:

Купил он её <машину> летом, и кроме маленького багажника ничего особо не напрягало. Но вот *однажды* наступила зима...

Итак, представляет интерес только одно из трех свойств — повторимость. Вернемся к примеру (6). Вот контекст, в котором такое неповторимое событие, как гибель человека в горах, является нормальной сферой действия для *однажды*:

(10) Он переехал в Южную Америку, где *однажды* погиб в горах, сорвавшись со скалы.

Дело в том, что предложение (6) аномально как автономное высказывание, в котором *однажды* занимает тематическую позицию, что заставляет воспринять предложение как интродуктивное, т. е. требующее продолжения. Между тем в гипотаксическом контексте смысл *однажды* выветривается. Так, для (10) *однажды* (Q) = 'ситуация Q имела место в некий, неважно какой момент'.

Пропадает компонент 'повествователь имеет в виду некоторое конкретное событие, про которое он знает больше того, что вытекает из его дескрипции'. Рассказ на этом может закончиться, повествователь больше ничего не хочет сказать адресату. Слабая определенность низводится до простой неопределенности. Снимается и условие повторимости.

Другие примеры употребления *однажды* в гипотаксической позиции, где оно имеет значение простой неопределенности 'в какой-то момент':

(11) есть прогнозы, которые реализовались именно потому, что *однажды* были сделаны. [В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995–2000)];

(12) И добровольный работник думать не думал, что *однажды* всё куда-то денется. [Алексей Варламов. Купавна, 2000];

(13) Это значит, что ей там, в кино, просто стало неуютно, как *однажды* стало неуютно в Америке. [«Домовой», 2002.12.04] .

Теперь понятно, почему *однажды*, недопустимое в предложении (16), допустимо в (1а): попав в гипотаксический контекст, *однажды* перестает быть тематическим, а значит и интродуктивным. Из показателя слабой определенности оно превращается в показатель неопределенности обычной.

В И&М 2013 убедительно продемонстрированы некоторые свойства *однажды*, прямо вытекающие из семантики слабой определенности. Так, слабая определенность исключает употребление *однажды* в вопросе и в побуждении (для *один* это описано в Падучева 1985: 214). В самом деле, слабоопределенное *однажды* локализует во времени событие, которое для говорящего является конкретно-референтным, т. е. определенным: говорящий имеет в виду конкретное событие, реально имевшее место. А в вопросе и побуждении *однажды* не может иметь индивидуального референта, поскольку

речь идет о виртуальном событии. Примеры неправильных употреблений (из И&М 2012, с сохранением нумерации) — вместо *однажды* тут надо было сказать *когда-нибудь*:

- (31) а. *А ты отдыхал *однажды* в Египте?
 б. *Отдохни *однажды* в Египте!

Впрочем, как отмечено в И&М 2013 (номер сохранен), в будущем времени *однажды* может быть употреблено — в выветренном значении ‘когда-нибудь’, т. е. для обозначения неререферентного момента времени:

- (23) *Однажды* президентом этой организации станет азиат.

Другой пример из И&М 2013 (номер сохранен) показывает, что неререферентное *однажды* допустимо и при глаголе прош. времени — в сфере действия квантора общности, где оно имеет дистрибутивное значение: момент произнесения для каждого слова свой. При этом *однажды* можно заменить не на *когда-нибудь*, а на *когда-то*:

- (29) Все слова на свете были *однажды* сказаны.

Об употреблении *-то* в значении *-нибудь* см. Падучева 1985: 219-220. Но про допустимость слабоопределенных местоимений в дистрибутивном контексте до сих пор не было известно.

Итак, *однажды* выражает слабую определенность и тем самым является первичным эгоцентриком. Одновременно оно является дискурсивным словом, так что семантика слабой определенности (как эпистемического неравенства говорящего и адресата) проявляется у него в интродуктивности, т. е. в обязательности продолжения, иначе — катафоричности. Однако интродуктивность свойственна только тематическому *однажды*. В гипотаксическом контексте, а также в будущем времени и в сфере действия некоторых операторов, *однажды* становится показателем обычной неопределенности или даже неререферентности временного показателя. Пример (7) показывает, что интродуктивность *однажды* может сниматься также нарративным контекстом.

2.2. О первой фразе «Пиковой дамы»

Известно, что с начальной фразой пушкинской «Пиковой дамы» —

- (1) *Однажды* играли в карты у конногвардейца Нарумова

— что-то не в порядке (Падучева 1995). Текстов с начальным предложением такой структуры не встречается (если не считать начала жуткого рассказа Шаламова «На представку», с явной аллюзией именно к этой пушкинской фразе).

В Грамматике 1954 эта фраза фигурирует как пример неопределенно-личного предложения (НЛП). Однако она демонстративно нарушает какие-то нормы НЛП. Чтобы сделать эту фразу обычным НЛП, начинающим текст, достаточно было бы, например, изменить порядок слов — передвинув глагол в рематическую позицию, как в (2а), или хотя бы убрать *однажды*, как в (2б):

- (2) а. Однажды у конногвардейца Нарумова *играли* в карты.
б. Играли в карты у конногвардейца Нарумова⁴.

Не пойдя ни по одному из этих простых путей, Пушкин задал нам загадку, которую попытался разгадать В. В. Виноградов (Виноградов 1936): он объясняет эту фразу (и следующий за ней текст) присутствием повествователя, который как бы причисляет себя к тому же кругу, что играющие, — иначе говоря, повествователя- рассказчика:

Повествователь в «Пиковой Даме», сперва не обозначенный ни именем, ни местоимениями, вступает в круг игроков как один из представителей светского общества. Он погружен в мир своих героев. Уже начало повести: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра» — повторением неопределенно личных форм — и г р а л и , с е л и у ж и н а т ь — создает иллюзию включенности автора в это общество. К такому пониманию побуждает и порядок слов, в котором выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие. Повествовательный акцент на наречии — н е з а м е т н о , поставленном позади глагола («прошла незаметно» — в контраст с определениями ночи — «долгая зимняя»); выдвинутая к началу глагольная форма — и г р а л и («однажды играли в карты»; ср. объективное констатирование факта при такой расстановке слов: «однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты»); отсутствие указания на «лицо», на субъект действия при переходе к новой повествовательной теме — «с е л и у ж и н а т ь», внушающее мысль о слиянии автора с обществом (т.е. почти рождающее образ — м ы) — все это полно субъективной заинтересованности. Читатель настраивается рассматривать рассказчика как участника событий. <...> Эта близость повествователя к изображаемому миру, его «имманентность» воспроизводимой действительности легко допускают драматизацию действия. (Виноградов 1936: 106)

Эта трактовка фразы (1), при том, что она многократно повторялась на разные лады, см., например, Онипенко 2001, Сидорова 2011, Никитина 2012, лингвистически не обоснована. Что верно — это что повествователь «Пиковой дамы» дает о себе знать в конце главы I, и это открытие Виноградова — краеугольный

⁴ В статье Разлогова 2012 исследуется восемнадцать переводов «Пиковой дамы» на французский язык: *однажды* в них к а к п р а в и л о остается без перевода.

камень, заложенный им в теорию нарратива⁵. Но этот повествователь не рассказчик: он не входит в мир, о котором повествует. Взять хотя бы то, что он называет игроков в карты «молодые люди».

Что же касается предложения (1), Виноградов прав в том смысле, что если подставить в нее *мы*, то оно станет синтаксически безупречным. Он предлагает, однако, считать местоимение 1 лица мн.числа *мы* подразумеваемым субъектом НЛП. Между тем референциальный анализ подразумеваемых субъектов НЛП в русском нарративе показывает, что это абсолютно исключено.

Во фразе (1) две загадки, одна связана с подразумеваемым субъектом бесподлежащего глагола 3 лица, другая — с *однажды*. Рассмотрим вначале фразу (1) без *однажды*, т. е. предложение (2б).

Чтобы говорить о референциальных характеристиках субъекта и порядке слов в НЛП, следует различить НЛП с конкретно-референтным подразумеваемым субъектом (и с актуальным значением вида глагола), как в *В большом доме напротив играли на рояле*, и с обобщенным, как в *Не очень-то нынче старших уважают*. В Грамматике 1954 даже относят эти последние не к НЛП, а к обобщенно-личным предложениям (ОЛП). На самом деле, они, конечно, тоже НЛП, но между этими двумя референциальными типами НЛП есть существенные различия.

Про НЛП с обобщенным субъектом (и узуальным значением вида глагола) еще можно обсуждать, включен ли говорящий в множество референции. Что же касается НЛП с актуальным видовым значением глагола, то у него лицо подразумеваемого субъекта только третье. Более того, статус этого субъекта однозначно неопределенный. Субъект действия может быть неизвестен говорящему (*У меня украли мобильник*) или говорящий не считает нужным его называть, так как он неважен или очевиден (*Тебя сегодня спрашивали?*). В Грамматике 1980: 356 говорится, что «в условиях конситуации неопределенность субъекта может сниматься и субъект может мыслиться говорящим как вполне определенный, данный (например, в сообщении о приходе того, кого ожидают: *Пришли*)». Едва ли, однако, это *Пришли* следует вообще трактовать как НЛП — скорее тут просто эллипсис. А в предложении *К вам пришли* подразумеваемый субъект является грамматически неопределенным, независимо от степени знакомства говорящего с пришедшим.

Подразумеваемый субъект может быть также слабоопределенным — как, например, в предложении *Не беспокойтесь, меня проводят*, когда участник ситуации известен говорящему, но не сообщается адресату (Падучева 2012). Именно этот вариант неопределенности представлен в НЛП из начального фрагмента «Доктора Живаго» (пример приводится в Сидорова 2011, с другим анализом):

⁵ А именно, заключительная фраза этой главы, *В самом деле, уж рассветало: молодые люди допили свои рюмки и разъехались*, служит основой для гениального наблюдения: «В конце первой главы происходит открытое сошествие автора в изображаемый им мир» (Виноградов 1936: 107). Действительно, в самом деле — это диалогическая реакция. Сейчас мы бы сказали, что тут повествователь вступает в диалог с героем.

Шли и шли и пели «Вечную память», и когда *останавливались*, казалось, что ее по заложенному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра.

Здесь в первой части предложения субъект вводится в рассмотрение, а во второй бесподлежащие предикаты подразумевают тот же субъект: *останавливались* те же люди, что *шли и пели*; и *казалось*, скорее всего, им же — хотя возможен и внешний наблюдатель, особенно что касается дуновений ветра.

Дальше идет текст:

Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились.
Любопытные входили в процессию, спрашивали:
«Кого хоронят?» Им *отвечали*: «Живаго».

У *хоронят* субъект идентифицируется однозначно, и не упоминается потому, что очевиден — предложение можно даже трактовать как эллиптическое, а не неопределенно-личное; скорее, как неопределенно-личное, потому что субъект скорее неважен, чем опущен. А *отвечали*, скорее всего, те, кто *шли и пели*; точнее, кто-то из них.

Особенность употребления НЛ-конструкции в первой фразе «Доктора Живаго» — в том, что она не используется как средство выражения «отчуждения», как это свойственно НД-конструкции в других случаях, см. Булыгина, Шмелев 1997: 345–346. Напротив, ее подразумеваемый субъект является фокусом эмпатии повествователя и используется как antecedent для последующей нулевой анафоры.

По аналогии с этим примером можно трактовать и связи между подразумеваемыми субъектами в начальном фрагменте «Пиковой дамы». Повторим:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла *незаметно*; *сели ужинать* в пятом часу утра.

Первая фраза предполагает некую группу лиц, к которым отсылает подразумеваемый субъект НЛ-сказуемого *играли*. Далее имеется в виду: *незаметно* — для тех, которые играли; *сели ужинать* — они же. Никакого рассказчика не нужно для обеспечения нулевой анафоры, выражающей кореферентность подразумеваемых субъектов у *незаметно* и *сели*.

Итак, первые два аргумента в пользу *мы* (т. е. в пользу присутствия рассказчика среди играющих), которое Виноградов прочит в подразумеваемые субъекты для *незаметно* и *сели*, отпадают. Остается третий аргумент — порядок слов (напомним, что, по Виноградову, в порядке слов «...выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие»). Виноградов отмечает необычность выдвинутой к началу глагольной формы *играли*, справедливо полагая, что объективное констатирование факта дало бы другую расстановку слов: *Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты*. Этот аргумент

в пользу повествователя-участника более серьезный, поскольку, как уже говорилось, именно порядок слов делает фразу странным началом.

Как отмечено в Падучева 2012, НЛ-предложениям с конкретно-референтным субъектом свойственно следующее ограничение на коммуникативную структуру: глагол должен находиться в рематической позиции — что хорошо согласуется с неопределенностью подразумеваемого субъекта НЛП. Так, предложение (3) (которое в Грамматике 1980: 357 трактуется как НЛП), не может быть понято как конкретно-референтное НЛП:

(3) В Двине купались ночью. (Ю. Казаков)

Вот его контекст:

И вот несколько дней назад на пароходе «Юшар»
мы пришли в Мезень, и ходу было всего два дня от Архангельска
... Весь июль стояла на Севере противоестественная жара.
В Двине купались ночью. (Ю. Казаков. Северный дневник)

Предложение (3) может быть понято, в этом контексте, либо как 'мы купались', т. е. как неполное; либо как 'люди на Севере купались в этом июле', т. е. как НЛП с глаголом в узуальном значении, в котором ограничения на порядок слов нет. (Хотя предложение *В Двине ночью купались* само по себе может быть понято как 'кто-то купался'.)

Тематическая позиция глагола в НЛП с конкретно-референтным (не обобщенным) значением, не полностью исключена, но она требует специального контекста; так, *Кричали далеко* (пример из Грамматики 1954) вполне допустимое неопределенно-личное предложение, но оно предполагает, что о крике уже шла речь.

Есть другая возможность оправдать порядок слов с тематическим глаголом в НЛ-конструкции — когда читатель предполагается уже осведомленным, о ком речь. Но нормально такая фраза может быть только продолжением истории, а не ее началом. К этой возможности мы еще вернемся. Пока важно, что а) отвергнуто *мы* как подразумеваемый субъект у *незаметно* и *сели* во второй фразе и б) показана необязательность *мы* для оправдания необычного порядка слов в первой.

Теперь обратимся к *однажды*. Как видно из сопоставления (1) и (2б), контекст *однажды* усугубляет требования к коммуникативной структуре неопределенно-личного предложения, которое начинает текст: НЛП без *однажды* может быть и нерасчлененной ремой, как (2).

Итак, виноградовский повествователь-рассказчик, принимающий участие в событиях, не подтверждается лингвистически. Он опровергается и текстологическим анализом. Согласно комментариям Б. В. Томашевского, «Пиковая дама» первоначально задумывалась как повествование от 1 лица (ср. начало чернового наброска к ранней редакции повести: *Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами*). Оказывается, Пушкин в ходе работы над «Пиковой дамой» сознательно отказался от повествователя-рассказчика, т. е. от перволичного повествования,

и перешел к традиционному нарративу от третьего лица. (Как известно, Виноградов писал свою статью в ссылке и не имел доступа к черновикам.)

Против виноградовского повествователя-рассказчика свидетельствует также и то, что он полностью пропадает в последующей части повести. Что же касается диегетического повествователя, то он хоть и ненавязчиво, но присутствует — речь идет не только о *в самом деле*, но и о других вводных словах. Один раз он даже назван в первом лице — как бы в диалоге с читателем:

<...> это случилось <...> за неделю перед той сценой, на которой *мы* остановились.

Отвергнув рассказчика, мы можем теперь предложить другую разгадку для порядка слов в первой фразе «Пиковой дамы». Эта фраза не является первой — она связана с эпиграфом (за эту идею — благодарность Л. Н. Иорданской; ср. также Онипенко 2001): *А в ненастные дни Собирались они Часто. <...>* Так что подразумеваемый субъект третьего лица у *играли* отсылает к этим 'они' и является данным. Это и предопределяет для первой фразы ее коммуникативную структуру с тематическим сказуемым. Но тогда перед нами специальный неканонический тип нарратива, в котором первая фраза синтаксически зависит от эпиграфа.

Заключение

Рассмотренные примеры показывают, что смысл эгоцентрических слов и категорий не исчерпывается толкованием. Обращение к режиму интерпретации открывает новые аспекты их семантики⁶.

Литература

1. Апресян Ю. Д. (1986) Дейкисис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.
2. Апресян Ю. Д. (2004/2009) Понятийный аппарат системной лексикографии // Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. М.
3. Арутюнова Н. Д. (1976) Предложение и его смысл. М.: Наука.
4. Бенвенист Э. (1974) Общая лингвистика. М.: Прогресс.
5. Булыгина Т. В. (1982) К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука.
6. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. (1997) Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры.
7. Виноградов В. В. (1936) Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. 2. М.-Л.

⁶ Автор благодарен анонимным рецензентам Диалога-2013 за пронизательные замечания.

8. Волошинов В. Н. (1930) Марксизм и философия языка. Л.: Прибой.
9. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. (2013) Наречие *однажды*: неопределенный временной спецификатор. Вопросы языкознания, № 1, 22–37.
10. Ковтунова И. И. (1986) Поэтический синтаксис. М.: Наука.
11. Левонтина И. Б. (2004) Неожиданно, вдруг //Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. 2-е изд. М. — Вена.
12. Никитина Е. Н. (2012) Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях //Русский язык в научном освещении. № 24, 23–41.
13. Онипенко Н. К. (2001) Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса //Русский язык в научном освещении. № 2, 107–121.
14. Падучева Е. В. (1985) Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука.
15. Падучева Е. В. (1995) В.В.Виноградов и наука о языке художественной прозы. Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка, т. 54, № 3, с. 39–48.
16. Падучева Е. В. (1996) Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры.
17. Падучева 1996a — Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. *Problemi di morphosintassi delle lingue slave*, v. 5. *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. Padova: Unipress, 1996, 163–186. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf
18. Падучева Е. В. (2006) Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания. Известия РАН. Серия литературы и языка, № 4, 3–10.
19. Падучева Е. В. (2008) Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации. //Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: 56–86.
20. Падучева Е. В. (2012) Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект. Вопросы языкознания, №1, 27–41.
21. Плунгян В. А. (2008) Дискурс и грамматика. //Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 7–34.
22. Разлогова Е. Э. (2012) «Пиковая дама» в зеркале французских переводов. Вопросы языкознания, № 6, 66–92.
23. Успенский Б. А. (1970) Поэтика композиции. М.: Искусство.
24. Успенский Б. А. (2011) Дейксис и вторичный семиозис в языке. Вопросы языкознания, № 2, 4–30.
25. Fillmore Ch. J. (1982) Towards a descriptive framework for spatial deixis. — In: *Speech, place and action*. Ed. R. J. Jarvel la, W. Klein. Chichester etc.: J. Wiley and sons, 31–60.
26. Jakobson R. (1957) Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge: Mass. (Русский перевод: Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол //О. Г. Ревзина (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972).
27. Lyons J. (1977) *Semantics*. V. 1–2. Cambridge: Univ. Press.